

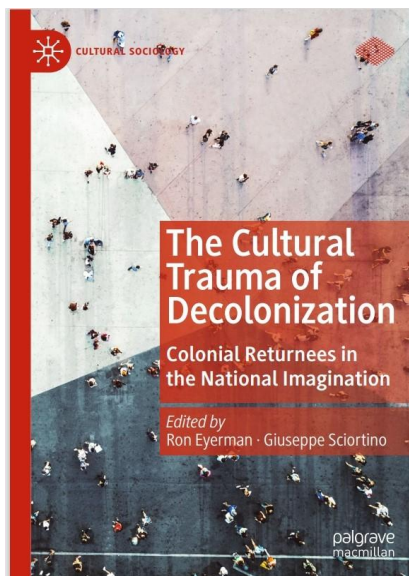
Рецензия

УДК 325

doi: 10.17223/2312461X/36/12

КАК БЫВШИЕ ИМПЕРИИ СПРАВЛЯЮТСЯ С КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ?

Eyerman, R., Sciortino, G. (Eds.).
The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination. Springer International Publishing, 2020. 231 p. ISBN 978-3-030-27024-7

Для цитирования: Лялин Р.С. Как бывшие империи справляются с культурной травмой деколонизации? // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 213–222. doi: 10.17223/2312461X/36/12

For citation: Lialin, R.S. (2022) How Do Ex-Empires Deal with the Cultural Trauma of Decolonization? (Review of Eyerman, R., Sciortino, G. (Eds.). *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination*. Springer International Publishing, 2020. 231 p. ISBN 978-3-030-27024-7). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 213–222 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/12

Растущий интерес к проблемам памяти и исторической травмы подтверждается появлением работ, которые с новой точки зрения рассматривают уже известные сюжеты прошлого. В 2020 г. вышла коллективная монография «Культурная травма деколонизации: колониальные репатрианты в национальном воображении» под редакцией Рона Айермана и Джузеппе Сциортино. Книга состоит из восьми глав, в шести из которых более детально раскрываются проблемы репатриантов, их

культурная травма и попытки заявить о себе на примерах Италии, Японии, Нидерландов, Бельгии, Франции и Португалии. Авторы сборника исходят из того, что современный мир во многом образовался в результате процесса деколонизации, когда вместо господства европейских и японской империй установилось «сообщество» независимых национальных государств (р. 3). Для того чтобы глубже разобраться в современных реалиях бывших империй, исследователи сосредоточили внимание на репатриантах, которые были вынуждены кардинально изменить свою жизнь и вернуться на родину, что, несомненно, накладывало серьезный отпечаток на их мировосприятие и самосознание. Травматический опыт репатриантов впоследствии отобразился в нарративах, но при этом зачастую игнорировался, оспаривался и конкурировал с другими представлениями о прошлом.

Рассмотрение процесса деколонизации с точки зрения травмы предпринималось и ранее, что мы можем наблюдать во многих работах (Alexander 2009; Bogaerts, Raben 2012; Craps 2013; Ward 2013; Visser 2015; Combres 2016). Однако, как отмечают сами авторы, основной фокус был направлен на колонии, а не на колонизаторов (р. 6). При этом в случае, когда исследование нацелено на изучение колонизаторов, часто используется понятие «травма преступника», связанное с чувством вины и стыда за совершенные преступления (Tsutsui 2009; Kalter 2016).

Непосредственно в данном исследовании была предпринята попытка применить накопленный опыт изучения культурной травмы к метрополиям бывших империй, которые ранее не получили должного внимания ввиду того, что деколонизация протекала в них спокойнее и менее болезненно, однако и эти государства были вынуждены меняться и подстраиваться под новую реальность, в том числе принимать репатриантов из колоний, которые поначалу сопротивлялись деколонизации, критиковали центральную элиту и обвиняли правительство в предательстве (р. 11–12).

В исследовании широко применяется концепция драмы травмы (trauma drama), модель которой была представлена в программной статье Джеффри Александера (Alexander 2004). Согласно его теории, сперва группа, продвигающая интересы какой-то общности, делает заявление о травме, пытаясь предать его огласке среди более широкой аудитории. Далее создается нарратив, раскрывающий боль, жертву, сходство между жертвой и аудиторией, а также ответственность виновных. При этом существует ряд ограничений, ситуаций, институциональных и символических структур, в рамках которых протекает «травматический процесс». Как итог, в результате успешного сочетания всех этих элементов появляется возможность закрепить предлагаемой данной группой интерпретации прошлого в коллективной памяти. Впоследствии концепция драмы травмы развивалась в рамках кон-

цепции социального спектакля (social performance): в случае успеха этот «спектакль» позволяет «сплавлять» воедино общество, которое стало более сложным и разрозненным (Alexander 2006).

Возвращение населения из колоний достаточно сильно потрясло бывшие империи: появление репатриантов часто вызывало экономические и политические проблемы, поэтому правительства пытались остановить или замедлить потоки беженцев, убедить их эмигрировать в другие страны. Репатрианты создавали организации, ассоциации, выдвигая требование компенсировать им нанесенный ущерб, однако стать какой-то серьезной силой, влияющей на политику своей страны, им не удалось ни в одном из рассматриваемых случаев (р. 18). Главной причиной, по которой репатрианты постепенно и достаточно спокойно интегрировались в свои общества, стали значительные денежные вливания, субсидии, компенсации и льготы, а также существенный рост европейской и японской экономики, который обеспечивал население рабочими местами и достойным заработком. Однако даже относительно успешное вхождение этих групп в новое общество не прекратило попытки сохранить особую идентичность, основанную на травме краха колониального мира, отсутствии сопереживания и замалчивании пережитых ими страданий и лишений в бывших метрополиях, что отображено во многих воспоминаниях, художественной литературе и других произведениях (р. 19–20). Также несмотря на то что сообществам репатриантов не удалось до конца достичь признания своей идентичности, все равно они продолжают выступать носителями памяти о колониальном прошлом, конкурирующей с господствующей коллективной памятью, и продолжают играть свою роль в национальном воображении (р. 21).

В новых государствах, сбросивших с себя бремя империи, колониальное прошлое подверглось замалчиванию и табуированию: жестокость и насилие отрицались, а польза и достижения, наоборот, подчеркивались. В Италии и Японии, к тому же, утрата колониальных владений затерялась в более масштабной трагедии фашизма, военных бедствий и поражения, а вся вина перекладывалась на предыдущие режимы. Тем не менее в рамках сборника Памела Баллинджер пытается опровергнуть общепринятый взгляд, что деколонизация Италии привела к меньшей травме, чем Вторая мировая война и падение фашизма (р. 29). Огромный поток репатриантов, хлынувший в Италию после утраты колоний, впустил и их переживания, и их понимание происходящего в итальянское и европейское информационное поле, что в какой-то мере позволило заглушить требования бывших подконтрольных территорий, от Эфиопии до Югославии, расследовать в суде военные преступления. Ассоциации итальянских поселенцев пытались вернуться в бывшие колонии, а когда стало очевидно, что это невозможно,

подняли вопрос компенсаций и помощи в интеграции (р. 37). Воспоминания репатриантов в Италии публиковались небольшими тиражами и лишь немногие произведения получили коммерческий успех. В основном они были направлены на небольшие сообщества и находили отклик в обществе только в случае политических изменений в стране (р. 48–49). Касательно восприятия своего прошлого продолжает частично существовать миф об итальянцах как хороших колонизаторах, однако скорее в стране доминирует коллективная амнезия и подавление собственной истории (р. 50).

Акико Хашимото также поднимает вопрос о восприятии деколонизации, но уже на японском материале, связанном с Маньчжурией, а также созданием с 1950-х гг. дискурсов репатриации, вписанных в более широкий контекст памяти о Второй мировой войне. Постепенно японские семьи, оставшиеся в Маньчжурии, пострадавшие от советских и китайских войск, стали восприниматься в японском обществе как несомненные жертвы, при этом вытеснялась память о преступлениях и жестокости японского колониального режима (р. 59–60). В среде репатриантов, которые возвращались на родину многие годы спустя, сохранилась обида на правительство и вооруженные силы Японии, которые их бросили, что подкреплялось унижительным отношением со стороны других японцев (р. 64). Однако сегодня доминирует образ жертвы, вписанный в общий нарратив памяти о Японии в годы войны. Пройдя этап умалчивания, память репатриантов отобразилась в произведениях массовой культуры, мемориалах, мемуарах, манге, в результате чего восприятие колонистов как жертв, бегущих от агрессии, укоренилось в японском обществе (р. 65). Интереснейшим эпизодом, существенно повлиявшим на создание образа колонистов, становится история с «сиротами» (японские дети, оставшиеся в Маньчжурии после краха империи), которые после нормализации отношений с Китаем, будучи уже взрослыми, посещали Японию. СМИ широко освещали эти визиты, озвучивая историю их жизни и пытаясь помочь найти их семьи. Тем не менее эта история привела не только к переосмыслению трагического прошлого и виктимизации японских поселенцев, но и к осмыслению моральной ответственности и вины правительства за то, что оно бросило своих граждан (р. 71–72). Еще одним признаком легитимации страданий репатриантов становится открытие государственного токийского мемориального музея в 2000 г., где в том числе были представлены японские колонисты, память о которых ранее отображалась в региональных музеях и мемориалах в Майдзуру, Сасебо, Куре и Хаката, через порты которых возвращались домой репатрианты. Однако лишения и беды колонистов не смогли стать доминирующим нарративом в национальной памяти о войне: это место по праву занимают жители Нагасаки и Хиросимы (р. 75–76). Подводя итог, Акико Хашимото заяв-

ляет, что в Японии существует несколько нарративов касательно репатриации и деколонизации, которые конкурируют и борются друг с другом: репатрианты – герои, жертвы или преступники, однако постепенно образ жертв начал вытеснять другие и приобретать институциональные очертания при поддержке государства, общества и СМИ (р. 79), но в рамках более масштабной культурной травмы войны и поражения.

Герт Остинди рассматривает вопрос деколонизации и памяти о ней в Нидерландах. Как и во многих других странах, первые годы постколониального существования озаменовались табуированием темы деколонизации и колониального прошлого, а на первый план вышла память о нацистской оккупации. Со временем, однако, в Нидерландах развернулись дебаты вокруг своего прошлого, в том числе вокруг жестоких и унесших множество жизней колониальных войн (р. 86). После японской оккупации в годы Второй мировой войны была провозглашена независимость Индонезии, однако Нидерланды планировали восстановить колониальный порядок, что в результате последующего поражения еще сильнее усилило голландскую постколониальную травму (р. 89). В результате огромное количество голландцев, в том числе представителей смешанного населения вернулись в Нидерланды. Однако если европейские колонисты практически беспрепятственно влились в голландское общество, то представители «смешанной расы» были во многом разочарованы, в том числе из-за того, что столкнулись с расизмом и ксенофобией (р. 90). Таким образом, в голландском обществе автор выделяет ряд групп: голландцев-репатриантов (*totok*); смешанное население Индонезии (*indos*); китайско-индонезийское сообщество; молукканцев, служивших в голландской колониальной армии, и ветеранов войны в Индонезии, которые имеют разное представление о прошлом и не объединены явной коллективной идентичностью или травмой. Сегодня Правительство Нидерландов продолжает избегать темы колониального прошлого и войн: если европейским жертвам японской оккупации и погибшим военным служащим установлены десятки памятников, то индонезийским жертвам таких нет. В Нидерландах применительно к колониальному прошлому есть лишь памятники, осуждающие работорговлю и рабство (р. 97). Тем не менее голландское правительство постепенно двигается в сторону признания своего прошлого: в 2005 г. было заявлено, что Нидерланды в 1945–1949 гг. воевали «не на той стороне истории» (р. 98). Однако на данный момент коренного пересмотра собственной истории по отношению к Индонезии не произошло и продолжает существовать своего рода «колониальная амнезия» (р. 102). Тем не менее ряд сообществ создают собственные контрвоспоминания и выступают за включение их в голландский национальный нарратив (р. 103).

Розарио Джиордано обращается к проблеме бельгийского Конго и памяти о нем в Бельгии, которые актуализируются в конце XX в. после

долгого периода умалчивания и игнорирования обществом и профессиональными историками. После объявления независимости в 1960 г., знаменитой речи Лумумбы и в результате вспыхнувшего насилия многие бельгийские колонисты были вынуждены покинуть Конго и вернуться домой (р. 119–121). Вначале принимающая часть бельгийского общества проявила солидарность с репатриантами и активно оказывала им помощь, однако постепенно отношение к ним стало меняться в сторону безразличия и враждебности, а также последующего забвения колонистов (р. 122). Дебаты о колониальном прошлом и памяти разразились в 1990-е гг. после геноцида в Руанде (р. 125). Репатрианты создали колониальный дискурс, в рамках которого акцентировались позитивные аспекты и утверждалась «цивилизаторская миссия», а также выдвигалась идея «маленькой Бельгии», создавшей «великое Конго» (р. 126). Все это, как считает автор, репатрианты использовали, чтобы легитимировать колониальный опыт, переписать историю и изменить свое положение в бельгийском обществе (р. 129).

Сон-Юн Чой исследует вопрос о колониальном прошлом во Франции и его влиянии на современное французское общество. Исследователь утверждает, что до 2002 г. во Франции память об Алжирской войне была табуирована. Тем не менее в стране проживали репатриированные из Алжира в результате войны «черноногие» (*pied-noir*), люди европейского происхождения, родившиеся в Алжире. Эта группа сформировала собственное представление о коллективной травме еще до признания «алжирского прошлого» французским правительством (р. 142). Французским правительством был разработан и принят закон об особом статусе репатриантов в 1961 г., также появляется множество организаций, которые помогали им освоиться во Франции и защищали их права (р. 148–152). В целом во Франции развиваются франко-североафриканская культура и идентичность, которые позволяют поддерживать связь внутри сообщества репатриантов, также появляются книги, фильмы, издаются воспоминания, в которых демонстрируется их алжирское прошлое (р. 153–156). Однако в результате пересмотра Алжирской войны во французском обществе назрел конфликт: историки обвинили колонистов в угнетении местного населения и поддержании системы, которая давала европейцам привилегии и отрицала основные права жителей Алжира, а также в том, что они впоследствии привнесли антиарабский расизм во французское общество. Естественно, организации «черноногих» выступали против такой трактовки событий и считали, что их воспоминания игнорируются. Таким образом, случилось столкновение истории и памяти – конфликт, который не разрешен во Франции и по сей день (р. 163).

Руи Пенья Пиреш, Морган Делоне и Жоао Пейшоту рассматривают португальскую репатриацию и деколонизацию, которые претерпели

значительные преобразования в результате падения режима Салазара и отказа от образа Португалии как уникальной страны, которая объединилась с тропиками «по любви», а не из корыстных побуждений. Уже при Марсело Каэтану были произведены попытки реформировать колониальную систему через предоставление колониям независимости, но под руководством белой элиты. Однако после смены режима в результате Революции гвоздик в 1974 г. была утверждена концепция трёх Д – демократизация, деколонизация, развитие (development), что вынудило белое население уезжать из колоний, вследствие чего появляется группа реторнадуш (retornados) (р. 175–179). Репатриация произошла максимально безболезненно и успешно: люди возвращались зачастую в те места, где родились, и быстро восстанавливали социальные связи, также сыграл свою роль бурный экономический рост, требовавший большого количества рабочей силы, и включение репатриантов в португальскую колониальную элиту, позволившее им принимать активное участие в перестройке общества, а не создавать альтернативные и обособленные организации (р. 179–181). Вместе с этим репатриированные африканцы были исключены из общества реторнадуш и лишены гражданства, в результате чего они стали восприниматься как простые мигранты (р. 184). Еженедельная газета *Jornal o Retornado* производила попытки создать образ реторнадуш как жертв Революции гвоздик, национально-освободительных движений в Африке и недостаточного внимания со стороны правительства, однако ей не удалось сконструировать объединяющую репатриантов и «раскалывающую» португальское общество коллективную идентичность (р. 187–190). С 1976 г. появляется литература, посвященная реторнадуш, которая в течение 30 лет была практически конфиденциальной и только в начале XXI в. вышла за рамки сообщества репатриантов и приобрела коммерческий успех. В ней репатрианты балансировали между своей особой идентичностью и принадлежностью к португальскому обществу (р. 192–195). Таким образом, они смогли достаточно быстро и успешно интегрироваться в португальское общество, однако при этом был утвержден не статус жертвы, а образ человека, который преодолел свою личную трагедию и стал активным участником обновления Португалии.

Подводя итог, Айерман и Сциортино заявляют, что изучение этих шести стран при помощи концепции культурной травмы позволяет лучше понять как процесс деколонизации, так и саму теорию культурной травмы (р. 205). Выбор конкретно этих государств, бывших империй, был обусловлен двумя причинами: во-первых, репатриация в них имела «вынужденный» характер, связанный с опасностями для жизни выходцев из метрополии и травмирующими обстоятельствами, а во-вторых, возвращение населения было следствием именно процесса деколонизации (р. 206). Репатрианты столкнулись не только с утратой

колоний, где они жили, но и с разительными переменами внутри метрополий, преобразовавшимися в ответ на деколонизацию, в рамках которой памяти об имперском прошлом и их собственной идентичности уже не нашлось места, в результате чего они столкнулись с неприязнью и враждебностью, а также с необходимостью искать пути «самосохранения», утверждения себя и «спасения» своих воспоминаний в новом обществе. Тем самым развернулась борьба конкурирующих групп и дискурсов, в рамках которой репатрианты пытаются заново рассказать свою историю и восстановить коллективную идентичность (р. 207–209).

В целом рассматриваемая работа является ценным исследованием деколонизации, в котором удалось объединить разных авторов в рамках единой исследовательской программы, основанной на теории культурной травмы и концепции драмы травмы. Также удалось добиться равномерности в освещении процессов и сюжетов, на которые обращается внимание читателя. Тем не менее в ряде случаев не хватает более подробного и комплексного описания официальной интерпретации прошлого, с которой вынуждена конкурировать память репатриантов. Как правило, обозначено табуирование колониального прошлого, его замалчивание, однако, вероятно, уместно было бы сравнить национальную историографию по вопросу и память репатриантов. Также упростило бы восприятие объяснение иерархии травм (не только репатриантов) в каждой отдельной стране: если в главе про Японию это прослеживается, то в главах про бывшие европейские метрополии этот момент присутствует менее явно, и лишь вскользь упоминается, например, наследие нацистской оккупации.

Наконец, стоит обозначить серьезнейшую критику исследований травмы (trauma studies) в современной науке (Kansteiner, Weilbroeck 2010), связанную с использованием в социальных науках термина, взятого из психиатрии, а также с экстраполяцией индивидуального опыта на коллективное представление о болезненном и нелицеприятном прошлом. Тем не менее, на мой взгляд, концепции драмы травмы и социального спектакля являются эффективными теоретическими разработками. Они, вопреки критике, не утверждают эссенциалистское происхождение коллективной травмы, которая заложена в конкретной группе и неминуемо вскрывается и выходит на поверхность, а демонстрируют долгий и запутанный процесс конструирования травмы и борьбы не только за признание внутри своей группы (например, репатриантов), но и за включение в более широкую национальную память своей интерпретации прошлого. Более того, такая концепция травмы согласуется с идеями наметившейся «третьей волны» в исследованиях памяти (memory studies) о необходимости отказаться от цельного восприятия национальной памяти и сконцентрироваться на ее синхронном (конкуренция трактовок прошлого в конкретный момент времени) и диахрон-

ном (эволюция памяти) изучении (Feindt et al. 2014). Впрочем, остается еще один вопрос, связанный с рецепцией травмы ее предполагаемыми «носителями»: разные акты воспоминания вписывают человека во множественные социальные рамки, что позволяет ему, например, в одном случае считать себя европейцем, в другом – французом, а в третьем – «черноногим». К сожалению, концепции драмы травмы и социального спектакля не позволяют решить данную проблему, однако на уровне «борьбы интерпретаций» среди политических и общественных сил, берущих на себя ответственность за память конкретных групп, данные подходы не исчерпали себя.

Таким образом, книга «Культурная травма деколонизации: колониальные репатрианты в национальном воображении» является не только интересным исследованием, с новой стороны обращающим к проблеме колониального прошлого и коллективной травмы, но и работой, в которой вполне успешно применяется теория культурной травмы и драмы травмы. Результаты исследования значимы для дальнейшего развития постколониальной теории в отношении бывших метрополий, а разработки авторов могут быть применены к другим странам, утратившим часть территорий и столкнувшимся в результате этого с волной беженцев и репатриантов, которые также были вынуждены в новых обстоятельствах, учитывая новые социальные рамки, выстраивать собственные нарративы и бороться за сохранение памяти о себе при поддержке или вопреки бездействию правительства и общества.

Роман Сергеевич Лялин

References

- Alexander J.C. (2009) Postcolonialism, Trauma and Civil Society. In: *Conflict, Citizenship and Civil Society*, P. Baert, S.M. Koniordos, G. Procacci, and C. Ruzza eds. London: Routledge, pp. 221–240.
- Alexander J.C., et al. eds. (2004). *Toward a Theory of Cultural Trauma*. In *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Alexander J.C., et al. eds. (2006). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bogaerts E.L.S., Raben R. eds. (2012). *Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian Societies, 1930s–1970s*. Leiden: Brill.
- Combres L. (2016). Critique and Discourses on Colonialism: Fanon vs. Mannoni. *Research in Psychoanalysis*, no. 22(2), pp. 218–226.
- Craps S. (2013). *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds*. London: Palgrave.
- Feindt G. et al. (2014). Entangled memory: toward a third wave in memory studies, *History and Theory*, no. 53(1), pp. 24–44.
- Kalter C. (2016). *Discovery of the Third World: Decolonization and the Rise of the New Left in France, c. 1950–1976*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kansteiner W., Weinboeck H. (2010). Against the Concept of Cultural Trauma (or How I Learned to Love the Suffering of Others without the Help of Psychotherapy). In: *Cultural*

- Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, A. Erll, A. Nünning eds. Berlin; New York: De Gruyter.
- Tsutsui K. (2009). The Trajectory of Perpetrators' Trauma: Mnemonic Politics Around the Asia-Pacific War in Japan, *Social Forces*, no. 87(3), pp. 1389–1422.
- Visser I. (2015). Decolonizing Trauma Theory: Retrospect and Prospects, *Humanities*, no 4 (2), pp. 250–265.
- Ward A. (2013). Understanding Postcolonial Traumas, *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, no. 33(3), pp. 170–184.

Сведения об авторе:

ЛЯЛИН Роман Сергеевич – магистрант 2-го курса программы «История и теория наций и проблемы национализма», Институт истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roma.lualin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Roman S. Lialin, Institute of History, St. Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: roma.lualin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 мая 2022 г.;
принята к публикации 1 июня 2022 г.*

*The article was submitted 01.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.*